

Борис КАПУСТИН

Либеральное сознание в России *

Исходные гипотезы

Сама постановка вопроса о присутствии либеральных ценностей в сознании россиян несет в себе значительный полемический заряд. Оба оппонирующих течения в нашей общественной мысли, задающих этой полемике тематику и стилистику — либерально-демократическое и коммуно-патриотическое, — используют схожие аргументы, указывающие на «генотипы» и «алгоритмы» российской дооктябрьской и постоктябрьской истории, на трагическую, с кровавыми выплесками, конфликтность сегодняшнего дня, на потусторонность (оплакиваемую или восхваляемую) российского сознания по отношению к «западной традиции». Оба они отрицают сколько-нибудь значительную роль, а нередко и само наличие либеральных ориентаций в умонастроениях россиян. Отнюдь не литературной эскападой, а лишь доведенной до ясности и последовательности формулировкой того, что можно назвать «общим местом» нашей политической публицистики, выступает следующее утверждение Л. Тимофеева, высказанное в статье «Последний грех интеллигенции»: в России «даже элементарные понятия либерального лексикона никак не внедряются в политический язык. И место либеральных идей и понятий в политических программах и дискуссиях занимают все те же, лишь несколько «либерализованные» идеи и понятия социалистические»¹.

Определенным контрастом к таким конвенциональным оценкам состояния общественного сознания в России служат, как ни странно, результаты некоторых конкретных социологических исследований. Так, авторы крупного советско-американского проекта, осуществленного в 1990 году и посвященного как раз изучению политических ценностей россиян, пришли к выводу «о наличии среди советских граждан широкой поддержки демократических ценностей, значительно даже большей, чем они первоначально предполагали... Негативные оценки уровня демократической культуры советских граждан могут быть отнесены только к уровню их терпимости и восприятию отзывчивости со стороны режима»². По многим же ключевым показателям (поддержка прав человека, принципа альтернативности выборов и т. д.) либерально-демократическая ориентированность россиян не уступала западным «стандартам».

• По материалам исследования, проведенного в рамках программы «Модель демократии для России» Российской академии управления.

¹ См. «Известия», 23 октября 1993.

² От тоталитарных стереотипов к демократической культуре. М., 1991, с. 65.

Капустин Б. Г. — доктор философских наук, профессор, специалист по проблемам политической философии.

Едва ли последовавшие за 1990 годом события можно рассматривать как безусловное подтверждение этого оптимистического вывода. Суждение о демократическом развитии российской политической культуры не должно затушевывать глубокого конфликта ценностей в нашем обществе, не сводимого к конфликту экономических интересов. Причем этот конфликт разворачивается не только между «традиционно советским» и «либеральным» менталитетами, но и между разными версиями либерального сознания, а также между ними и некоторыми новыми — нелиберальными, но и не «традиционно советскими» — типами мировоззренческих установок. Существует также конфликт ценностей внутри комплекса либерального сознания. Кроме того, политико-культурное развитие отдельных социальных групп оказывается не просто неравномерным, но на «оперативном» отрезке времени и разнонаправленным. Серьезен и вопрос не только о мере соотнесенности идеологического и поведенческого (ситуативного) уровней освоения компонентов либерального мировоззрения, но и о том, воспринимаются ли на самом идеологическом уровне эти компоненты просто как атрибуты новомодного жаргона или же наполняются более конкретным содержанием настолько, что ими можно оперировать при осмыслении действительности и формировании собственного отношения к ней.

И тем не менее есть основания предполагать, что либеральные приверженности и ориентации не просто присутствуют в сознании россиян, но обладают политически эффективным значением. Думается, что по большому счету объяснения требуют не происходящие в обществе конфликты, а сохранение этого общества, как и послеавгустовского режима, вопреки таким мощнейшим разрушительным факторам, как распад исторической государственности, фантастическое падение жизненного уровня подавляющей части населения, развал его мировоззренческой системы, крушение «революции растущих ожиданий», поднявшейся в последние годы перестройки, наконец, невыполнение послеавгустовской властью ни одного из данных ею обещаний, относившихся непосредственно к обыденной жизни рядового человека (начиная с заявления Б. Ельцина о проведении реформ без повышения цен и позднее — о стабилизации экономической ситуации к сентябрю 1992 года).

Главное — в России не случилось того, что предрекалось многими серьезными аналитиками как следствие развала прежней идеологически сконструированной действительности, т. е. краха «марксизма» при отсутствии либерального мировоззрения, а именно — не произошел возврат на «классическое поле истории» из идеолого-рационалистической упорядоченности мира (как он сложился после 1914 года), «поле», на котором «более древние, более первобытные силы, националистические и религиозные, фундаменталистские и скоро, возможно, мальтузианские, будут состязаться друг с другом»³.

Следует отметить также тот факт, что политически мобилизующие лозунги антитоталитарных перемен в России (как и в Восточной Европе) оказались близкими или тождественными лозунгам классических либеральных революций Запада (народный суверенитет, права и свободы человека, равенство против привилегий и т. д.). На это обстоятельство обращает внимание и раскрывает его значение Ю. Хабермас⁴. Видный американский философ Б. Аккерман интерпретирует международное значение антитоталитарных перемен в бывшем «советском блоке» именно как «вторую стадию либеральных революций», создающих и для Запада благоприятные возможности восстановления «активистского либерализма», оттесненного и затененного там в XIX—XX веках «либерализмом свободной конкуренции»⁵. Не обсуждая философско-исторические схемы Аккермана и Хабермаса, отметим, что высказанные ими соображения важны для уяс

³ Ггау J. Post-Liberalism. New York — London, 1993, p. 249.

⁴ См. Habermas J. What Does Socialism Mean Today? «New Left Review», 1990, № 183, p. 7—8.

⁵ См. Ackerman B. The Future of Liberal Revolution. New Haven & London, 1992, p. 4, 9.

нения того, каким типологически может быть политически действенный либерализм в России.

Указанные выше обстоятельства позволяют выдвинуть первую исходную гипотезу: либеральные ценности и ориентации играют в России политически значимую роль и имеют определенное распространение.

Остальные исходные гипотезы представляют собой по сути корректировки и ограничения оптимизма первой. Кажется очевидным, что основанием развития либерального сознания в России служит неприятие советской социалистической действительности. Это неприятие является лишь необходимым, но не достаточным условием для эволюции сознания в либеральном направлении (возможна его эволюция и в других направлениях). Именно потому, что в настоящее время и в обозримом будущем (хотя обозреть сейчас возможно только ближайшее будущее) наше общество не является в структурном и функциональном отношениях либерально-демократическим (нет ни сколько-нибудь сложившегося рынка, ни правового государства, ни соответствующих культурных институтов, начиная с системы образования), оно не производит и не воспроизводит либеральное сознание «объективно», самим сложившимся «ритуалом» общественной жизни. Поэтому либеральные установки могут быть только результатом более или менее сознательных усилий, выборов, решений.

Можно говорить о том, что объективные и прежде всего экономические условия жизни людей открывают большие или меньшие возможности для либеральной ориентации. Но это верно, скорее, не в смысле «предрасположенности» к ее усвоению, а в плане большей или меньшей доступности тех факторов формирования сознания (вроде образования, широты и содержательности общественных связей, необходимости принятия ответственных решений и т. д.), которые для данной ориентации играют непосредственную и решающую роль. Если так, то можно предположить, что уровень образования, род деятельности, степень интереса к политике и участия в ней будут более ясно коррелировать с наличием или отсутствием либеральной ориентации, чем, к примеру, источник и размеры дохода, тип предприятия (государственное, акционированное, частное и пр.), на котором занят респондент, место его жительства и т. д.

Отсюда вытекают две следующие гипотезы: первая состоит в том, что сегодня либеральная ориентация является в большей мере производной от факторов культурно-духовного порядка, чем от собственно экономических, включая обладание частной собственностью. Обуславливать перспективу установления либерально-демократического строя в России развитием класса собственников (отвлекаясь от пустой утопии превращения всего народа в частных собственников) и даже связывать с этим сохранение нынешнего режима было бы ошибкой. Частный собственник, без опосредования его позиции указанными выше культурно-духовными факторами, — не в большей мере носитель либерального сознания, чем группы, выделенные по другим экономическим критериям.

Если данная гипотеза верна, то она ни в коей мере не демонстрирует специфику России. Так, в качестве одного из основных выводов проведенного недавно в Венгрии социологического исследования Д. Чепели и А. Еркень отмечают: «Даже идея приватизации — ключевое понятие рыночной экономики, которое в принципе неотъемлемо принадлежит позиции предпринимателя, — отсутствует (у этой группы. — Б. К.). Не лучше обстоит дело с либеральными и экономическими подходами как целым с единственным исключением в виде идеологического отрицания социализма... Такое положение — больше чем простой парадокс. Появился класс, который в своем актуальном состоянии не имеет адекватного сознания своего собственного существования»⁶.

В целом в либеральной теории частная собственность является основанием свободы и достоинства человека (и, соответственно, либерально-правового политико-государственного устройства) постольку, поскольку она обеспечивает

⁶ Цит. по: Seligman A. B. The Idea of Civil Society. New York, 1992, p. 178.

независимость и безопасность индивида, позволяя ему быть самостоятельным субъектом моральной воли и политических действий. Исторически такая связь свободы, морали и частной собственности реализовывалась в фигуре самостоятельного мелкого производителя товаров и услуг (ремесленника, фермера, адвоката и т. п.), который стал «модельным персонажем» классического либерализма XVIII века. Современный частный собственник, будь то мелкий держатель акций, босс крупной корпорации или даже индивидуальный производитель, связанный с большим бизнесом и большой политикой тысячами нитей финансовой, административной, технологической и иной зависимости, никак не соответствует этому «модельному персонажу». Частная собственность, оправданная иными соображениями, сама по себе не является более ни основанием, ни причиной моральной автономии и политической свободы. Как пишет Дж. Сартори, «если собственность есть экономическое понятие, связанное с обществом стяжательства и с индустриальным ростом производства, то это — не то понятие, которого придерживается либерализм. Вознося индивида... либерализм поддерживает его... собственностью-как-безопасностью, которая имеет очень мало общего с капиталистическим определением собственности и экономическим видением жизни»⁷.

Согласно второй гипотезе, есть основания думать, что либеральная ориентация будет в основном свойственна элитным группам, выделенным по принципу родов деятельности, которые в наибольшей степени предполагают сочетание высокого образования, необходимости принятия ответственных решений, широты «связей с людьми», вовлечения (возможно, вынужденного) в политику. Эти группы отнюдь не обязательно совпадают с «властвующей элитой», по Р. Миллсу, или с элитой, по Г. Лассвеллу, т. е. с теми, «кто получает больше всего из того, что стоит получать»⁸. Вообще малочисленность — не обязательный признак этих групп.

Возможно также, что во многом схожие ориентации обнаружат нетрадиционные группы нашего общества, в том числе столь различные по многим существенным параметрам, как предприниматели и безработные. У них пока еще не сложились в полной мере поведенческие и ментальные стереотипы, не устоялись схемы коллективных действий. Исходя из этого, легко предположить выраженную индивидуалистическую доминанту в их подходах и оценках. Но будет ли это либеральный или нелиберальный индивидуализм, можно уяснить лишь из эмпирического исследования.

Массовые традиционные социальные категории, видимо, обнаружат разные ступени и формы разложения советской ментальности, возможно, характеризующиеся усилением некоторых ее черт за счет других. Поверхностное сходство этих усиленных черт с некоторыми элементами либерального мировоззрения может породить иллюзию продвинутой либерализации сознания данных групп. К примеру, ориентация на частную собственность как источник наслаждения, а не как объект и основу трудовой деятельности — характерная черта советской ментальности, по крайней мере, брежневского периода. Сейчас признание частной собственности, ставшей своего рода паролем нашего домашнего либерализма, может создать впечатление либеральной ориентации сознания.

Отсюда следуют еще две гипотезы. Во-первых, если декларируется приверженность данной либеральной ценности «вообще» (к примеру, толерантности как отказу ограничивать распространение любых взглядов), но при этом ценность не идентифицируется ни с одним из практических способов ее реализации (в нашем примере — с теми или иными ограничениями толерантности), то это означает либо ее чисто «вербальное» принятие, имеющее мало общего с либерализацией сознания, либо ее отождествление и совмещение с «соответствующей» ценностью традиционного советского мировоззрения.

Во-вторых, по указанным причинам можно предполагать, что восприятие одних

⁷ Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. P. II. Chatham (N. J.), 1987, p. 378.

⁸ Lasswell H. Politics: Who Gets What, When, How. New York, 1958, p. 13.

либеральных ценностей будет более индикативным с точки зрения становления либерального сознания, чем восприятие других; иными словами, одни ценности имеют больший потенциал для образования нового сознания, чем другие. Это обуславливается не некоторой «внеконтекстной» иерархией либеральных ценностей, а их существованием именно в российской среде. Имеются в виду новизна для нее этих ценностей, затрудняющая их отождествление с традиционными советскими ценностями, а также степень их присутствия в уже возникших практических отношениях людей, затрудняющая их чисто «вербальное» принятие или отвержение. В этом плане, к примеру, свобода должна обладать большим потенциалом, чем равенство, частная собственность (при всех оговорках) — большим, чем правовое государство. Именно такие ценности первыми отделяются от своих аналогов в советском менталитете, создавая поле осмысленного (позитивного или негативного) восприятия либерализма: свобода отделяется от произвола, частная собственность — от частного богатства вообще, толерантность — от попустительства и т. д.

Наконец, последняя гипотеза. Понимание справедливости и прогресса является интегративным показателем присутствия или отсутствия либеральных ориентаций в сознании россиян. Вопрос о справедливости — это в конечном счете вопрос о том, какой тип отношений между людьми, какая организация общества (при всех различиях и конфликтах в нем) приемлемы для человека, вызывая с его стороны готовность исполнить обязанности члена общества и соблюдать нормы общественной жизни. Без этого социум не может существовать. Поэтому выдающийся американский философ Д. Роулс определил справедливость как «первое достоинство социальных институтов, подобно тому как истина — достоинство систем мысли. Какой бы элегантно и экономно ни была теория, она должна быть отвергнута или пересмотрена, если она неистинна; так же законы и институты, сколь угодно эффективные и хорошо устроенные, должны быть отменены или реформированы, если они несправедливы»⁹. Если в доминирующих представлениях о справедливости есть либеральная компонента, или они хотя бы совместимы с либерализмом, у данного общества есть шанс стать либеральным. Этого шанса нет, если, как советует Г. Бурбулис, приверженцы реформ действительно «откажутся от лицемерной и лживой задачи социально справедливо регулировать отношения между своими гражданами»¹⁰.

То же самое относится к пониманию прогресса как представлению о том, какое общество заслуживает того, чтобы считаться «хорошим». Современный западный либерализм, воплощая в своих основных течениях стабилизационную ориентацию сознания, во многом освободился от ценностной установки на прогресс, которая была столь присуща ему в период становления и принципиального отлаживания современного общества, т. е. до второй половины XIX века. У нас стабилизация — тоже ключевая задача. Но для нас это — не стабилизация чего-то уже в принципе существующего, а создание чего-то качественно нового, способного быть стабильным. Но быть стабильным можно по-разному, в совершенно различных социально-политических качествах. Отсюда и актуальность для нас вопроса о прогрессе, о том, какое стабильное общество видится как «хорошее».

Фондом «Общественное мнение» под руководством И. Клямкина в 1993 году было проведено исследование с целью проверки высказанных гипотез и получения более конкретных представлений о масштабах распространения, формах и содержании либеральных установок в сознании россиян.

Методология исследования: типы сознания

В основе примененной методологии лежит то, что можно назвать минимальным идеальным типом либерального сознания. В качестве минимального он позволяет фиксировать некоторые конституирующие признаки либерального соз-

⁹ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, 1971, p. 3.

¹⁰ «Известия», 31 августа 1992.

нания, но взятые в самом абстрактном и бедном содержанием виде. Его эвристическое значение заключается не столько в том, чтобы дать представление о чертах реально существующего либерального сознания, сколько в том, чтобы отграничить его от нелиберальных типов сознания.

Минимальный идеальный тип строится вокруг признания самоценности индивидуальной свободы, выражающейся в плане общественных отношений как равенство в свободе (свобода равных); в плане отношений с государством — как равенство перед законом, который гарантирует не противоречащую ему свободу частной и публичной деятельности; в плане отношения к различиям в общественной жизни — как терпимость ко всему, что само не отрицает терпимости; в плане экономики — как признание частной собственности условием свободного развития человека.

При использовании минимального идеального типа строится та классификация идеальных типов сознания, которая непосредственно присутствует в исследовании. Нужно подчеркнуть, что данная классификация не претендует на то, чтобы дать исчерпывающую типологию политического сознания россиян. Типы сознания выделяются только на основании того или иного их отношения к либеральным ценностям, представленным минимальным идеальным типом.

При таком подходе выделяется, во-первых, тип сознания, для которого характерно неприятие индивидуальной свободы как самоценности или, поскольку вопрос о свободе вообще ставится, отождествление ее с равенством удела, определяемого одинаковостью положения людей перед центром власти и распределения благ. Это — нелиберальный тип сознания, который можно обозначить как «традиционно советский». В своем значимом для сегодняшнего дня содержании и как продукт позднего (брежневского) периода советской истории этот тип характеризуется развитым индивидуализмом, но потребительски-приватного, а не производственного, морального или публично-политического толка. В той мере, в какой этому типу присуща ориентация на коллективизм, она выражает установку не на «гемайншафтную», органическую общинность, а опять же — на уравнительную форму организации бытия в сущности атомизированных, аполитичных (или лишь ритуально политизированных), ориентированных на потребительскую приватность индивидов. Исследователи стремились выявить модификации этого типа в современных условиях, которые, как можно предположить, распределяются по следующим основным направлениям: а) в силу «избирательного средства» принятие (декларативно-мимикрическое) тех или иных либеральных ценностей; б) акцентировка одних компонентов при приглушении или даже стирании других (к примеру, усиление потребительской ориентации при затемнении изначально сопряженной с ней уравнительной ориентации); в) возрождение или появление вновь политического измерения этого типа сознания как защитная реакция на наступление альтернативных типов сознания и жизненных стилей. Отсюда — вероятность ренессанса ценностей и ориентаций раннего, «героического» периода советской истории, искусственного потому, что он является именно защитной реакцией атомизированных потребителей.

Во-вторых, выделяется тип сознания, признающий ценность индивидуальной свободы, но не как равенства в свободе, а как безусловной реализации собственного интереса, ограниченной не правом, а силой других или силой обстоятельств. По существу, это означает признание ценности не индивидуальной свободы, а индивидуального произвола. По ряду признаков, прежде всего экономического порядка, а также по ориентации на «минимальное государство» этот тип сознания демонстрирует заметное сходство с одним из подтипов либерального сознания, о котором речь пойдет ниже. Тем не менее по решающим критериям отношения к свободе и равенству, а также потому, что лишь в контексте определенного осмысления этих ценностей установки на частную собственность и ограниченное государство приобретают либеральное значение, данный тип сознания следует рассматривать как нелиберальный. Обозначим его как «нелиберальный индивидуализм».

Более того, он представляется не столько отрицанием «традиционно советского» сознания, сколько ближайшим продуктом его основательной модификации посредством усиления потребительского компонента при заглушении уравнительного. С точки зрения перспектив демократических и рыночных реформ весьма важно, в какой мере и в каких формах возможна эволюция сознания этого типа в сторону либерализма и насколько серьезные коллизии могут сопровождать такую эволюцию.

Либеральный тип сознания подразделяется на два подтипа, которые мы будем рассматривать как самостоятельные типы, помня об их «парадигматическом» родстве, и обозначать как «экономически либеральный» и «социал-либеральный».

Данное деление не вполне совпадает с теми классификациями течений в философии и практике либерализма, которые приняты в литературе и которые ориентируются на критерии логико-методологические (с выделением «естественно-правового», «утилитаристского» и «общественно-договорного» либерализма) и политико-прагматические, связанные прежде всего с пониманием роли и значения государства в общественном развитии (либертариизм, «новый либерализм» кейнсиански-реформистского типа). Выделенные выше идеальные типы, охватывая весь комплекс ценностей в их «минимально-либеральном» осмыслении, различаются тем, что, во-первых, ставят их в разное логическое соподчинение, во-вторых, связывают их практическую реализацию с разными средствами и, в-третьих, вкладывают в эти ценности несколько различное содержание, выступающее как бы «добавочным» по отношению к «минимально-либеральному» их пониманию.

Что касается пункта о соподчинении, то существующие здесь различия можно проиллюстрировать афористическими формулировками классиков либеральной мысли. По определению Л. фон Мизеса, представляющего в плане нашей классификации «экономически либеральный» тип, «программа либерализма... если ее сконденсировать в одном слове, будет читаться: собственность...»¹¹. Здесь, если отвлечься от всего остального, выступает сходство «экономически либерального» типа с тем, который мы называли «нелиберальным индивидуализмом». Но различие в том, что у Мизеса остальные либеральные ценности (политические и гражданские свободы, толерантность и т. д.) во всем их непрерываемом значении хотя и не рядоположены с частной собственностью, но с необходимостью вытекают из нее¹². Вся теоретическая и политическая ставка Мизеса сделана на то, что между частной собственностью (при ее последовательной реализации) и остальными правами и свободами человека не может возникнуть противоречия, так сказать, по определению. «Нелиберальный индивидуализм» при том же упоре на частную собственность не только допускает возможность такого противоречия, но и легко мирится с ним. Его нелиберальность именно в том и состоит, что данное противоречие мало волнует его.

Для «социал-либерального» типа характерна та установка, которую ярко выразил Б. Кроче: «... Если свободе приходится выбирать, то она должна быть полностью свободна от экономического предрассудка; она должна иметь смелость принять средства социального прогресса, которые кажутся и, возможно, являются очень разнообразными и противоречивыми»¹³. Именно поэтому необходимо «разорвать несчастливую ассоциацию «либерализма» как морального или этико-политического принципа с *laissez faire* как одним из возможных типов экономического порядка»¹⁴. «Социал-либеральный» вариант соподчинения ценностей при приоритете свободы не только допускает возможность ее конфликтов с другими ценностями, но и настаивает на их разрешении в пользу свободы. Соответственно

¹¹ Von Mises L. Liberalism in the Classical Tradition. New York, 1985. p. 19.

¹² См. Ibid., p. 20.

¹³ Г о с е В. My Philosophy and Other Essays on the Moral and Political Problems of Our Time. London.

1949. p. 108.

¹⁴ Ibidem.

обстоятельствам места и времени предполагается использование различных средств для реализации и развития свободы, тогда как для «экономически либерального» сознания частная собственность, занимая высшую позицию в шкале ценностей, выступает по отношению к другим ценностям универсальным средством их реализации. В этом, так сказать, практическое значение различных версий соподчинения либеральных ценностей.

Но из этого вытекают и некоторые различия в содержательном осмыслении ценностей. Возьмем, к примеру, связь свободы и равенства. Для «экономически либерального» сознания равенство ценно и необходимо постольку, поскольку оно выступает условием действительного существования свободы, понятой прежде всего как свобода собственности. Поэтому такое сознание признает равенство перед законом, как государственно-правовым, так и экономически-рыночным. И только такое равенство определяется как либеральное.

«Социал-либеральное» сознание не отвергает это «минимальное» понимание равенства и тем паче не приемлет нелиберального отождествления его с полной уравнительностью. Но оно, во-первых, исходит из того, что практическое обеспечение «минимального» равенства требует условий и средств, не вытекающих из его собственного содержания. Хрестоматийный пример: равенство перед законами рынка требует для каждого нового поколения равенства стартовых условий, которое не предусматривается самими этими законами, создающими тенденцию аккумуляции неравенства от поколения к поколению. Поэтому если практическим выводом из «минимального» понятия равенства будет формула «карьеры, открытые для талантов», то с точки зрения «социал-либерального» сознания необходимым дополнением к ней окажется требование равных стартовых возможностей (с соответствующими программами в сферах образования, здравоохранения, социального обеспечения и т. д.) для выявления и раскрытия талантов.

Во-вторых, для «социал-либерального» сознания равенство ценно не просто как условие осуществления свободы. Оно обладает в известном смысле самостоятельным позитивным значением, причем именно потому, что развитие равенства есть в то же время — в тенденции — расширение объема и обогащение содержания свободы. Если свобода действительна как свобода равных, то расширение сфер и увеличение оснований равенства людей есть в то же время рост сфер и оснований свободы. Весь вопрос в том, что необходимо именно развитие сфер и оснований равенства, а не их сужение и редукция к той низшей границе, которую рассматривают в качестве критерия равенства наименее социально и культурно продвинутые части данного общества. (При таком подходе место противоречия свободы и равенства занимает противоречие между разными видами равенства (в первом приближении — «узким» и «широким»), каждому из которых соответствует определенное понимание свободы.)¹⁵ Из этого вытекает установка «социал-либерального» сознания на всемерное развитие равенства за пределы сфер и оснований, очерченных «минимальным» его пониманием, но лишь постольку, поскольку такое развитие не подрывает и не выхолащивает уже достигнутые значения свободы.

Нет необходимости специально пояснять то, что четыре указанных идеальных типа не могут быть однозначно идентифицированы в какой-либо из групп населения. Но они позволяют зафиксировать некоторые тенденции в развитии политической культуры в России.

(Продолжение следует)

¹⁵ См. R a e D. Equalities. Cambridge (Mass.), 1981.